На правах рукописи

Стефановская Светлана Владимировна

СПОСОБЫ СЕМИОТИЗАЦИИ ЗВУКОВОГО МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА С ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ ПИСЬМА)

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Иркутск – 2012

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Иркутский государственный лингвистический университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Готлиб Олег Маркович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической лингвистики ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный лингвистический университет», г. Иркутск
Даниленко Валерий Петрович

кандидат филологических наук, доцент кафедры восточной филологии НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва
Аникина Вера Владимировна

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия образования», г. Иркутск

Защита состоится «12» апреля 2012 года в 13.00 на заседании диссертационного совета Д 212.071.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций в ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный лингвистический университет» по адресу: 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, ауд. 31.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный лингвистический университет».

Автореферат разослан « » марта 2012 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета д. филол. н. Т.Е. Литвиненко

Понятие языковой картины мира является одним из базовых в современной лингвистике. Проблемы, связанные с изучением соотношения элементов триады «язык – мир – человек», находятся в центре внимания лингвистов, а их решение выявляет целый спектр исследовательских направлений в таких областях, как семиотика, когнитивная лингвистика, социолингвистика, психолингвистика, этнопсихология и теория коммуникации.

В русле когнитивного подхода к процессам формирования естественной семиотики особая важность придается принципу антропоцентризма в объяснении восприятия, концептуализации и символизации мира, в том числе мира звучащего, представляющего собой один из особых фрагментов картины мира.

Изучение аспектов семиотической актуализации исходит из понятия мотивированности/немотивированности знака как компонента фрагмента картины мира, фиксируемого тем или иным каналом восприятия человека, при этом процессы семиозиса и семиотизации во многом определяются различиями организации языков [Гумбольдт, 1984].

Одним из средств языковой символизации звучаний окружающего мира являются знаки-звукоподражания. В фонетическом облике звукоподражаний отражаются в сложном взаимодействии внеязыковой фактор (изображаемая звуковая действительность) и языковые факторы [Воронин, 2006]. Один и тот же звук объективной реальности семиотизируется в разных языках различными способами. Мотивированность звукоподражаний является не абсолютной, не природной, но этно-обусловленной, и, следовательно, этно-уникальной: «Если при имитации задача состоит в точном воспроизведении звуков окружающего мира, то при образовании звукоподражаний каждый народ членит мир звуков в соответствии с системой фонем своего языка» [Ibid., с. 26].

Ономатопея, в которой отражается «сходство» или «похожесть» между внеязыковой реальностью и её отражением в языке, является одной из традиционных тем лингвистических исследований. В европейской научной традиции вопрос о характере связи между означаемым и означающим в языке обсуждается со времен античности. Так, еще в диалоге Платона «Кратил» ставился вопрос о том, как в языке за содержанием закрепляется определенная форма: «по естеству» или «по соглашению».

Проблемой связи звука и значения издавна занимались такие мыслители, как: Св. Августин, Фома Аквинский, Ж. Ж. Руссо, Р. Декарт. В России М. В. Ломоносов в своих работах обращал внимание на связь звука и значения. С XVII по XIX века изучение ономатопеи (звукоподражания) и звукосимволизма в значительной степени шло в рамках звукоподражательной и междометной теорий происхождения языка.

В современной лингвистике звукообозначения не раз становились объектом исследования: Ф. Соссюр (1977) и Ш. Балли (1955) обращали внимание на явление ономатопеи в свете проблемы мотивированности языкового знака, К. Бюлер (1933) рассматривал звукоподражание и звукопись как ограниченную область в символической системе языка. С точки зрения роли в процессе формирования языка явления ономатопоэтики рассматривались К.Вундтом (1912), Г. Паулем (1960), Э. Сепиром (1968). Проблемам звукосимволизма вне связи с ономатопоэтической

лексикой посвящены работы О. Есперсена (1964), М. Свадеша (1972), Й. Коржинека (1972). Среди исследований звукоподражательной лексики в отдельных языках можно выделить труды В. Скалички (1967) по венгерскому языку и С. Мартина (1962) по корейскому языку, в которых содержатся выводы о функционировании ономатопов в данных языках. Проблемы ономатопоэтической лексики широко освещаются в ряде работ таких отечественных лингвистов, как: Н. И. Ашмарин (1928), А. М. Газов-Гинзберг (1965), И. Н. Горелов (1969), В. В. Левицкий (1973), А. П. Журавлев (1974), С. В. Воронин (1982).

Вопросы связи звука и значения, посвященные звукоподражаниям китайского языка, разрабатывали в своих лингвистических исследованиях А. О. Тань (1989), О. П. Фролова (1998), Э. Э. Уланова (2002), А. В. Шатравка (2006). Главным образом, вышеперечисленные авторы освещают структурный состав, способы перевода, грамматическую природу и частеречную отнесенность звукоподражаний. Проблемы звукосимволизма китайского языка рассматриваются в экспериментально-теоретическом исследовании Т. А. Пруцких (2008).

Настоящее диссертационное исследование посвящено описанию звуковой картины мира этноса посредством построения таксономии на основе общих фонетических и грамматологических признаков звукоподражательных единиц языка данного этноса.

Актуальность диссертационного исследования состоит в необходимости выявления процессов семиотизации в зависимости от строя языка и выделения и описания набора признаков (таксонов), определяющих формирование картины мира в естественной семиотике через слуховое восприятие человеком действительности.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на материале языка с идеографической системой письма выполнено системное описание фоносемантических и графосемантических оснований классификации звукоподражаний и построение таксономии. Новым является также опыт построения и соположения картины мира на основе таксономии звукоподражаний в ономасиологическом и семасиологическом аспектах.

В качестве *объекта* исследования выступает массив звукоподражаний китайского языка, выявленный путем сплошной выборки современных словарей.

Предметом исследования являются таксоны и принципы организации звукоподражаний.

Цель настоящего исследования заключается в описании способов семиотизации звукового мира путем выделения и систематизации базовых признаков (таксонов) исчисления звукоподражаний в ономасиологическом и семасиологическом аспектах, и выявлении параметров соответствий и несоответствий ономасиологического и семасиологического подходов.

Достижение поставленной цели предопределило постановку следующих *задач*:

1) уточнить роль слухового восприятия в познавательной деятельности человека;

2) провести анализ проблем, связанных с процессами восприятия и проявлениями знакового иконизма;

3) выполнить систематизацию всего корпуса звукоподражаний на основе источника происхождения звуков;

4) проанализировать массив звукоподражаний с позиций фонетической составляющей (инициаль);

5) уточнить универсальность набора фоносемантических признаков;

6) выявить грамматолого-семантические маркеры звукоподражаний языка с идеографической системой письма и их роль и значимость в формировании данных единиц;

7) через наложение систем таксонов ономасиологического и семасиологического параметров выявить их универсальные и уникальные составляющие.

Целевые установки и задачи исследования определили применение, наряду с общетеоретическим индуктивным методом, включающим непосредственное наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, использование грамматолого-семантического анализа, семасиологических и ономасиологических методов лингвистического анализа, таксономических процедур.

Теоретическая значимость определяется вкладом данного исследования в комплексное изучение феномена картины мира в семасиологических и ономасиологических аспектах и в создании звуковой картины мира как одной из ее составляющих. Исследование на материале языка с идеографической системой письма позволяет показать специфическое видение звуковой картины мира как фрагмента картины мира, с учетом универсального и уникального в ней. Результаты исследования также способствуют углублению знаний природы языков различных этносов, расширению представлений о ценностных категориях различных этнокультур.

Практическая ценность работы заключается в том, что результаты проведенного исследования могут быть использованы для разработки спецкурсов и лекционных курсов по общему языкознанию, фонетике, фоносемантике, грамматологии, семиотике, лексикологии; в практическом курсе китайского языка; в научно-исследовательской работе студентов; в лексикографии при уточнении словарных статей, связанных с толкованием слов-звукообозначений, а также при создании специализированных словарей звукообозначений.

На защиту выносятся следующие *теоретические положения:*

1. Существует звуковая картина мира, которая семиотизируется в языке главным образом через звукоподражания, и иконизм при этом является доминирующим способом семиозиса.

2. Звуковая картина мира, передающаяся звукоподражаниями, является фрагментом общей языковой картины мира.

3. В языках с фонетической системой письма и с идеографической системой письма по-разному проявляется иконизм звукоподражаний. В первом случае он фонетический, а во втором – и фонетический, и графосемантический.

4. В языках с идеографической системой письма на основании таксономии звукоподражаний структурируется графосемантическая картина звукового мира этноса. В этой картине значение абсолютного большинства звукоподражательных единиц языка такого типа соотносится со значением входящего в их состав графосемантического элемента.

5. Соотношение ономасиологической и семасиологической моделей исчисления картины мира и их таксонов носит вариативный характер: полное совпадение таксонов ономасиологической и семасиологической моделей в аспекте источника звука, вариативное соотношение таксонов ономасиологической и семасиологической моделей в аспекте грамматологической семиотики.

6. Классификация звукоподражаний по соотносимости их с акустическим денотатом не носит абсолютного универсального характера и должна быть пересмотрена с учетом языков с жесткой синтагматикой слога, примером которых может служить современный китайский язык.

Апробация работы. Основные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры китаеведения Иркутского государственного лингвистического университета. По материалам диссертации были сделаны доклады на научных конференциях ИГЛУ в 2006-2011 годах. По теме диссертации опубликовано 4 печатные работы (2,1 п.л.), в том числе 2 – в ведущих изданиях, рекомендованных для публикации результатов кандидатских диссертаций (1,3 п.л.). Одной из форм апробации результатов исследования явилась разработка и чтение курса «Теоретическая фонетика китайского языка».

Структура работы. Поставленная цель и задачи исследования определили структуру и содержание работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, списка литературы, списка использованных словарей. Общий объем работы составляет 199 страниц. Список использованной литературы включает 170 наименований, в том числе 23 работы на иностранных языках.

Во *введении* обосновывается выбор объекта изучения и актуальность темы исследования, определяется ее научная новизна, теоретическая и практическая ценность, ставятся задачи и цели исследования, определяются методы исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* освещаются звукоподражательные теории происхождения языка, уточняется значимость восприятия в создании языковой картины мира, описываются процедуры классифицирования и таксономии, основываясь на ономасиологическом методе, предпринимается попытка построения звуковой картины мира.

Во *второй главе* исследуется звукоизобразительная система языка, особенности фонетической организации звукоподражаний языка с идеографической системой письма, анализируется их массив с позиции фонетической составляющей (инициали) и уточняется универсальность набора фоносемантических признаков.

В *третьей главе* рассматриваются некоторые аспекты истории письма и особенности идеографической письменности; выявляются и описываются грамматолого-семантические маркеры звукоподражаний языка с идеографической системой письма, устанавливается роль и значимость гиперсемантических элементов в формировании звукоподражаний; на основании семасиологического анализа предпринимается попытка построить графосемантическую картину звукового мира китайцев.

В *заключении* обобщаются результаты проведенного исследования, формулируются выводы, намечаются перспективы дальнейшего научного поиска в данной области языкознания.

В схеме 1 представлена звуковая картина мира.

В схеме 2 представлена звуковая картина мира китайцев.

В схеме 3 представлена звуковая картина мира китайцев в грамматологическом аспекте.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Изучение картины мира на сегодняшний день является одним из наиболее актуальных и перспективных направлений научных исследований не только в области лингвистики, но и в области гуманитарного знания в целом. Это связано со становлением антропоцентрической парадигмы, согласно которой любое явление, любой факт окружающей действительности должны изучаться через призму его восприятия и отображения человеком, т.е. в исследование любого как языкового, так и неязыкового явления необходимо включить человеческий фактор.

Антропоцентрическая парадигма возвращает человеку статус «меры всех вещей» и ставит его в центр мироздания. Именно акцентирование «человеческого фактора» привело к появлению в разных науках ряда понятий, которые представляют психические, лингвистические, логические, философские модели объективного мира: концептуальная картина мира, картина мира, образ мира, модель мира, концептуальная система, индивидуальная когнитивная система, языковая картина мира и др.

Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. В. И. Постовалова определяет картину мира как «глобальный образ объективной действительности, лежащий в основе мировоззрения человека, т.е. выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной деятельности» [Постовалова, 1988, с. 21].

В картинах мира речь может идти о мире в целом или о фрагменте, об определенном срезе или его аспекте. «Существует столько картин окружающей действительности, сколько имеется «призм» мировидения. При этом человек смотрит на мир не только сквозь призму своего индивидуального опыта, но, прежде всего, через призму общественного опыта» [Серебренников, 1988, с. 32]. Картина мира человека находится в постоянной динамике и может меняться в течение жизни.

Проблема изучения языковой картины мира (образа мира, модели мира) – зафиксированной в языке и специфической для данного языкового коллектива схемы восприятия действительности – имеет давнюю историю (см. обзоры по этому вопросу в работах Ю. Д. Апресян, 1988; В. И. Постоваловой, 1988; В. В. Красных, 2001; Т. В. Цивьян, 2006). В настоящее время можно говорить о целых направлениях в рамках этой общей темы. Во всем многообразии работ, посвященных языковой картине мира, доминирующим можно считать противопоставление двух систем понятий – научных (используемых в физике, геометрии, логике, психологии, и пр.), в совокупности образующих научную картину мира, и «наивных» (наивная физика, геометрия, логика), используемых человеком независимо от его знаний тех или других научных дисциплин и владения научной картиной мира.

Языковая картина мира, играющая главную роль в познавательной деятельности человека, представляет собой объемное и многоярусное понятие, имеющее множество параметров, многократно пересекающихся в различных языковых единицах, которые относятся к разным уровням языка. По мнению Е. В. Рахилиной, языковая картина мира отличается от мира действительности специфическими особенностями человеческого организма (напр., человек видит свет и цвет, и они зафиксированы в языковой картине мира, но не видит рентгеновские лучи, следовательно, они специально не отражены в языке). «К тому же, одну и ту же ситуацию носитель языка может описывать по-разному в силу специфики конкретных культур, стоящих за каждым языком» [Рахилина, 2000, с. 348].

Познавательная деятельность первичного уровня, содержательную сторону которой составляют знания, извлеченные в результате прямого чувственного опыта, своей отправной точкой имеет непосредственно фигуру познающего реальный мир человеческого индивида. Знания порождаются на уровне индивидуального взаимодействия человека с окружающим миром. Это взаимодействие всегда протекает в системе некоторых пространственных координат, точкой отсчета которых является человек – субъект восприятия, сознания, действия и познания. Таким образом, восприятие есть тот фундамент познавательной деятельности человека, на котором строятся все существующие системы знаний. «И языковая картина мира, и как составляющие ее зрительная и слуховая картины мира, отображая действительность, искажают ее по одним и тем же правилам: выделяют только «безусловно-значимые» или «салиентные» свойства воспринимаемых зрением или слухом объектов» [Кубрякова, 1994, с. 35]. В этом проявляется антропоцентричность, которая, по мнению А. Вежбицкой, должна быть «главной доминантой: в языковой картине мира нельзя «упустить» информацию, которая значима для человека» [Вежбицкая, 1996, с. 42].

Считается, что зрительное восприятие для человека – это главный канал поступления информации о мире. Ведущая роль зрительной системы определяется тем, что она выполняет связь между всеми анализаторными системами и является функциональным органом – преобразователем сигналов. В процессе физического восприятия большинство информации человек получает благодаря именно зрению, а не слуху. Однако дальнейшие исследования показывают, что в познании окружающего мира не менее важную роль выполняет слуховое восприятие, и только в совокупности зрительного и слухового восприятия человек получает основную долю знаний о мире.

Объектом слухового восприятия является звук. Развитие слухового образа связано в первую очередь с непрерывной дифференциацией «звуковых» и «незвуковых» предметов. Являясь объектом слухового восприятия, звук наименее материален и в меньшей степени связан с объектом в сравнении с основным объектом зрительного восприятия – зрительным образом. При восприятии звука субъект в большей степени пассивен, активность не выражается определенными телодвижениями, движениями органами слуха – никаких внешних проявлений, а выражается лишь в абстрактном движении – слушать – «направлять слух на какие-либо звуки».

Общей теорией звука занимается раздел физики – акустика, с позиций которой звук есть результат колебательных движений какого-либо тела в какой-либо среде, осуществляемый действием какой-либо силы и доступный для слухового восприятия. Тело может быть любого вида: твердое, жидкое,

газообразное. Среда должна быть проводником звука до органа восприятия, так как в безвоздушном пространстве звук образовываться не может. Из определения звука можно сделать вывод, что статичные предметы не звучат. Для того, чтобы они зазвучали, требуется действие, движение: предмет должен удариться о другой, либо должно произойти колебание предмета, человек должен начать говорить и т.п. Слух фиксирует только объекты, находящиеся в движении, т.е. звуки сопутствуют какому-либо действию (процессу).

Чтобы понять природу звуков, выявить наиболее характерные аспекты и признаки объекта слухового восприятия, вполне естественно определить все звуки по природе источника. Имея представление о том, какие звуки воспринимает человек в окружающем мире, можно воссоздать определенный срез или фрагмент картины мира; получить информацию об окружающем человека мире звуков. В процессе деятельности человека и наблюдения за явлениями окружающей действительности звуки, шумы, голоса людей, животных и птиц создают особую картину мира – слуховую, которая составляет основу восприятия окружающей среды и сопровождает основные сферы человеческой деятельности.

Вычленяя отдельные звуки из звукового хаоса, то есть производя отбор и содержательную интерпретацию звуков, прежде всего природных, человек, по сути, выступает в роли классификатора, определяющего кто/что, где, когда и как производит звук. Для описания структурных классификаций и самой процедуры классифицирования используется термин *таксономия.*

Таксономия в лингвистике – это совокупность принципов и правил классификации лингвистических объектов (языков и языковых единиц), а также сама эта классификация. Выделяется два вида таксономий: естественная, т.е. индуктивно выведенная из анализа свойств объектов, и искусственная (логическая), базирующаяся на некотором едином логическом принципе, вводимом априорно. Мы в своей работе используем оба типа.

В связи с тем, что в данной части работы мы не опирались на реальные факты языка, а лишь предполагали, какие звуки могут быть отражены в звуковой картине мира человека, то построение такого рода таксономии реализует ономасиологический подход к исследованию языка. Результаты опыта выявления таксонов звуковой картины физического мира представлены в схеме «Звуковая картина мира» (см. схему 1 «Звуковая картина мира»).

На следующем этапе перед нами стояла задача на основе семасиологического подхода подтвердить или опровергнуть фактами языка предположения о том, какими звуками может быть представлена звуковая картина мира. В отличие от ономасиологического анализа, где исследование направлено от содержания к выражению, путь исследования в семасиологии — это путь от звучания к содержанию, связанный с тем, что значит данное слово, словосочетание и т.п. [Даниленко, 2003]. В результате была выполнена систематизация корпуса звукоподражаний на основе анализа, проведенного в направлении от одного из признаков (в данном случае для нас важен признак – источник происхождения звуков) к самим лексическим единицам. Задача по определению объема материала, подлежащего описанию, заключается в выделении из конечного множества единиц (всей лексики языка) такого подмножества (словаря), которое было бы обозримым,

поддавалось описательному анализу, и в то же время наглядно демонстрировало всю картину языка в приложении к картине мира звуков [Караулов, 1976]. Для нас этот объем составили 360 звукоподражаний, выделенных в пяти словарях современного китайского языка (языка с идеографической системой письма).

В основе второй таксономии лежит та же общая таксономическая схема, что и в первой главе, где звучащий мир (т.е. все, что может издавать звуки или звучать под каким-либо физическим воздействием) мы представили в виде двух таксономических классов, обозначенных как «Живой звучащий мир» и «Неживой звучащий мир». «Живой звучащий мир», в свою очередь, поделен на два таксономических подкласса: «Человек» и «Не – человек», последний включает в себя как флору, так и фауну.

Сопоставление двух видов таксономий позволило констатировать тот факт, что таксоны, выведенные в процессе построения искусственной таксономии, оказались применимы и для создания естественной таксономии звукоподражаний языка с идеографической системой письма, т.е. содержательно оба вида таксономий совпали (см. схему 2 «Звуковая картина мира китайцев»).

Каждый этнос через свой язык по-своему осваивает звучания внешнего мира, и звукоподражания разных языков не совпадают друг с другом, хотя нередко обладают сходством. По мнению профессора С.В. Воронина, причина несходства звукоподражаний в разных языках состоит в том, что звуки-источники имеют сложную природу, и поскольку точная имитация их средствами языка невозможна, каждый язык выбирает одну из составных частей этого звука как образец для подражания [Воронин, 1969]. При этом весьма значимой является фонетическая система языка имитатора.

Китайский язык как представитель языков изолирующего типа по своему строению – слоговый, минимально значимой единицей языка является не отдельный звук (фонема), а тонированный слог. Слог состоит из двух основных структурных элементов: инициали – согласной части в начале слога и финали – гласной части в конце слога. Согласная часть, или инициаль, может быть выражена только одним согласным звуком. Всего в китайском языке 21 инициаль, из них шесть аффрикат, придающих китайской речи специфичную окраску [Спешнев, 2003].

Исследование фонетической оболочки звукоподражаний языка с идеографической системой письма показало, что из 441 слога (полный массив слогов без учета тональных различий, представленный в путунхуа) в формировании звукоподражаний используются 117 слогов с инициалью и 18 слогов без инициали, т.е. чуть меньше одной трети всех слогов (135 звукоподражаний).

Полученный результат, на наш взгляд, можно пояснить следующим образом. Когда окружающий человека звучащий мир отражается в языке, он представляет собой мир, опосредованный языковым сознанием, в котором к ограничениям, налагаемым восприятием, добавляются ограничения, обусловленные закономерностями языка. Тот факт, что звук сложнее воспринимать, чем цвет, поскольку он чаще характеризуется моментальностью, обусловливает относительную субъективность слуховых ощущений. Это находит отражение в использовании слов-звукообозначений, являющихся одновременно и знаками звучащих реалий, и единицами языка. Данные семантические единицы служат

примером того, что система значений отдельно взятого языка дает то познание, которое необходимо для нужд человеческого общества, а преломление категории звучания в языке может служить основой семантических универсалий. В отношении же китайского языка к ограничениям, налагаемым восприятием, следует добавить и особенности фонетического строя языка, а именно строго фиксированную структуру слогов.

Анализ массива звукоподражаний с позиций фонетической составляющей – инициали (именно согласные звуки считаются наиболее семантически значимыми), позволил выявить наиболее продуктивные из них по отношению к звукам мира, которые передаются, а также уточнить универсальность набора фоносемантических признаков. Следует обратить внимание на то, что одна и та же логограмма-звукоподражание может иметь два чтения и семиотизировать два разных звука. В связи с этим, число звукоподражаний с разной фонетической оболочкой составило не 360, указанных выше, а 388 единиц.

Обработка языкового материала показала, что наибольшее число звукоподражаний китайского языка (далее в примерах – зп) начинается с инициалей, выраженных следующими звуками: среднеязычным смычным – фрикативным звуком *[j]* – 44 зп, заднеязычным спирантом *[h]* – 42 зп, переднеязычным звонким неносовым сонантом *[l]* – 35 зп, заднеязычным смычным *[g]* – 34 зп, переднеязычным смычным *[d]* – 33 зп, губно-губным смычным *[p]* – 33 зп. Высокая частота употребления выявлена у следующего ряда инициалей: *[x]* – 28 зп, *[zh]* – 21 зп, *[k]* – 18 зп, *[t]* – 18 зп, *[c]* – 14 зп, *[s]* – 13 зп, *[q]* – 13 зп, *[b]* – 11 зп, *[ch]* – 9 зп, что дает основание считать данные инициали наиболее коррелятивными звукам окружающего мира, с одной стороны, и адаптивными фонетической системе китайского языка, с другой стороны. Не найдено звукоподражаний с инициалью *[f]* – лабио-дентальной щелевой, всего по одному зп начинается с *[r]* – переднеязычного звонкого неносового сонанта и со звука *[n]* – переднеязычного звонкого носового сонанта, небольшое количество звукоп одражаний китайского языка начинается с инициалей: *[z]* – 7 зп, *[sh]* – 8 зп, *[m]* – 5 зп.

Профессор Воронин С.В. в работе «Английские ономатопы (Типы и строение)» провел системное исследование английских звукоподражательных слов, и показал, что между ономатопом и его денотатом наблюдаются вполне закономерные соответствия, и все многообразие таких слов сводимо к конечному числу классов, типов, моделей, т.е. звукоподражательные слова в языке не представляют собою случайного скопления лексем, а образуют систему [Воронин, 1969]. Универсальность данной классификации подтверждена в применении к таким языкам, как германские в целом, романские, славянские, турецкий, финский, семитский, бирманский, японский, мальгашский и т.д.

Факты, установленные нами в результате анализа фонетической составляющей звукоподражаний языка с идеографической системой письма, свидетельствуют о том, что указанная классификация не носит абсолютного универсального характера, и должна быть пересмотрена с учетом языков с жесткой синтагматикой слога, примером которых может служить современный китайский язык.

Звукоподражания принято рассматривать как иконические знаки, т.е. знаки, которые характеризуются фактическим подобием означаемого и означающего. Явление звукоподражания в разных языках часто приводят как доказательство в защиту теории мотивированности языкового знака, что, на наш взгляд, вполне правомерно для языков с фонетической системой письма. Что касается языка с идеографической системой письма, где логограмма, прежде всего, соотносится со значением и через него – со звучанием, то вопрос об иконичности звукоподражаний не может быть решен столь однозначно, тем более что связь между означаемым и означающим носит принципиально иной характер, нежели в языках с фонетическим типом письма.

Письмо восходит к тем временам, когда человек учился передавать свои мысли и чувства при помощи зримых знаков, понятных не только ему самому, но также и другим людям, осведомленным о той системе, в которую входят эти знаки. В основе любой невербальной коммуникации, в конечном счете, лежит речь: любой символ невербального сообщения описывается речевыми средствами. Таким образом, задача письма состоит в том, чтобы перекодировать человеческую речь в зрительные образы. Существуют разные способы такого перекодирования, один из которых состоит в создании знаков письменности, непосредственно связанных с единицами языка. Деление речи на отдельные звуки является трудной задачей, которую разные цивилизации решали много столетий. Более естественным и наглядным является деление речи на смысловые единицы, поэтому история письма повсюду начинается с иероглифических письменностей, где каждый знак представляет ситуацию в целом или отдельную ее часть как особый предмет. Соединение знака с морфемой и фонемой происходит позднее [Гельб, 2004].

Идеографическая письменность – исключительное явление среди современных письменностей, созданная за полтора тысячелетия до н.э. и продолжающая существовать в наши дни. Знак идеографического письма представляет собой сложную графическую фигуру, состоящую из одного или большего числа графических элементов. От алфавитных письменностей идеографические отличаются принципом обозначения, при котором записываются не звуки и слоги, а морфемы. Поскольку идеографическая письменность фиксирует морфемы или простые слова, знаки этой письменности непосредственно соотнесены со значением и лишь через посредство значения – со звучанием (знак – значение морфемы/слова – звучание морфемы/слова). Этим они отличаются от фонетического письма, где буквы записывают только звучание и через звучание обозначают слова и морфемы (знак – звучание – значение морфемы). Иначе говоря, идеографическое письмо непосредственно передает план содержания лингвистических единиц. Знак идеографического письма представляет собой некоторое условное графическое изображение, которое в частном случае может быть изображением самого референта.

Идеографический письменный знак (логограмма), прежде всего, является знаком, что позволяет проанализировать звукоподражания языка с такой системой письма с семиотической точки зрения, т.к. именно семиотика представляет более полную картину возможных связей между двумя сторонами знака. Основоположник современной семиотики Ч. С. Пирс построил свою классификацию знаков,

основываясь на различии во взаимоотношениях между означаемым и означающим знака. Им выделяются три основных типа знаков: иконические, индексы и символы. 1) Иконические знаки характеризуются фактическим подобием означаемого и означающего. 2) Индексы – это знаки, основанные на отношении фактической, реально существующей смежности между означаемым и означающим. 3) Символы – знаки, в которых связь между означаемым и означающим устанавливается произвольно, по соглашению. Предложенная Пирсом классификация знаков до сих пор остается наиболее органичным для семиотики взглядом на знаки, позволяющим видеть сущностные процессы семиозиса. «Три названных типа элементарных знаков соответствуют трем *ступеням семиозиса* (процесса означивания и возникновения в сознании знака и знаковых отношений между явлениями действительности, его отображением в сознании и формой знака)» [Мечковская, 2004].

Звукоподражания в языках с фонетической системой письма, как уже говорилось выше, принято относить к иконическим знакам. Ведь именно в этих словах прослеживается неслучайная, мотивированная связь между их фонемным составом и тем, что Ч. Пирс называл «простыми свойствами означаемого», т.е. формой, цветом, манерой двигаться, издавать звуки и т.п.

Количество ономатопов в конкретном языке является открытым. Как правило, есть группа общеупотребительных звукоподражаний, которые включены в словари и записываются регулярно одними и теми же иероглифами. В рамках анализа проблем, связанных с проявлением знакового иконизма, нами были рассмотрены звукоподражания, состоящие из *одной логограммы*, зафиксированные в словарях, и получившие статус полноправных лексических единиц китайского языка (189 единиц). В отечественной синологии значимые компоненты логограммы обозначаются различными терминами − так, А. Ф. Кондрашевский разделяет понятия графемы и ключа, А. Я. Шер выделяет «ключевые знаки» и «краевые графемы». В грамматологической традиции при анализе знаков фоно-идеографического типа выделяли «семантический определитель» и «фонетический определитель» (ключ и фонетик). В силу того, что для данного исследования была важна как графическая оболочка знака, так и его семантика, то, следуя китайской грамматологической традиции, в логограмме выделялись графосемантическая составляющая (графосемантический маркер) и фонетическая составляющая. Определив грамматолого-семантические маркеры звукоподражаний китайского языка, мы предприняли попытку установить их роль и значимость в формировании этих единиц.

Результаты грамматолого-семантического анализа позволяют утверждать, что в картине звукового мира китайцев из 189 логограмм, фиксирующих звукоподражания, абсолютное большинство (151 зп) соотносится со значением входящих в их состав графосемантических элементов. Иллюстрациями могут служить группы звукоподражаний с общей графосемантической составляющей: 水 (氵) «вода»; 金 (钅) «металл»; 玉 (王) «яшма»:

1)水 (氵) «вода»: *浅 jian – зп стремительно текущей, бурлящей воде; 淙 cong – зп журчанию воды; 萍 ping – зп журчанию воды; 洛 luo – зп струящейся, стекающей воде;汩 gu – зп плеску, бульканью воды; 溅 zhong – зп шуму бурно текущей воды, шуму брызг; 潺 chan – зп журчанию воды; 淠 pi – зп шуму воды; 淋 lin – зп падению*

дождевых капель; 浪 lang – зп падению дождевых капель; 湲 yuan – зп рокоту волн; 溘 ke – зп плеску воды, журчанию; 泠 ling – зп журчанию ручья; и т. д.

2)金 (钅) «металл»: *铿 keng – зп звону металла; 铮 zheng – зп звону металла; 铛 dang – зп звону колокола;锵 qiang – зп звону металла, колокольчика; 钉 ding – зп звону колокола, колокольчика; 镗 tang – зп ударам барабана, гонга; 锽 huang – зп звону колокола, ударам барабана; и т.д.*

3)玉 (王) «яшма»: *琳 lin – зп звону драгоценных камней; 玲 ling – зп звону яшмы; 琤 cheng – зп звону яшмы; 琅 lang – зп звону подвесок из драгоценных камней; 玎 ding – зп звону яшмы; и т.д.*

Исследование звукоподражаний, представленных монослогами, с целью создания таксономии данных единиц в грамматологическом аспекте, позволило нам заключить, что, наряду с логограммами, в которых значение (или несколько значений) гиперсемантического элемента, входящего в их состав, может быть передано полностью *(嘀 di – зп стуку (по дереву); 怦 peng – зп стуку сердца; 舔 tian – зп падению камня; 策 ce – зп шелесту, шороху, шуршанию (бамбука и листьев растений)*, существуют и такие, в которых значение гиперсемантического элемента передается:

– частично *(泠 ling –зп 1) журчанию ручья; 2) дуновению ветра; 轣 li – зп 1) стуку колес; 2) крику птиц; 琅 lang – зп 1) звону металла о камень, ударам в каменный гонг; 2) голосам учеников, заучивающих вслух классические тексты; 萧 xiao – зп 1) шуму (травы); 2) ржанию (лошадей)*;

– не передается вообще (*淅 xi – зп шелесту, шороху ветра; 汪 wang – зп лаю; 轑 lao – зп ударам черпака по котлу;荷 he – зп гневному бормотанию).*

Таким образом, звукоподражания языка с идеографической системой письма, зафиксированные словарями, дифференцируются по принципу наличия общего гиперсемантического элемента и по степени выраженности последнего в логограмме, на следующие двадцать две группы: 口 «рот», 金 «металл», 水 «вода», 车 «телега», 手 «рука», 玉 «яшма», 丁 «гвоздь», 草 «трава» , 竹 «бамбук», 门 «дверь», 石 «камень», 风 «ветер», 心 «сердце», 雨 «дождь», 犬 «собака», 木 «дерево», 土 «земля», 革 «выделанная кожа», 刀 «нож», 火 «огонь», 羽 «перо», 隹 «короткохвостая птица» (см. схему 3 «Звуковая картина мира китайцев в грамматологическом аспекте»).

Из всех гиперсемантических элементов, входящих в состав логограмм-звукоподражаний, только некоторые имеют значение «звучания чего-либо» или «звукоподражания чему-либо», что, однако, не является маркером их активного участия в формировании звукоподражаний китайского языка. К таким «звучащим» гиперсемантическим элементам относятся: *金 «металл» – 14 зп, 丁 «гвоздь» – 1 зп, 竹 «бамбук» – 3 зп, 石 «камень» – 8 зп, 木 «дерево» – 4 зп, 土 «земля» – 2 зп и 革 «выделанная кожа» – 1 зп.* Самый продуктивный гиперсемантический элемент – 口 «рот», хотя, согласно Большому китайско-русскому словарю, среди его актуальных значений нет ни одного, связанного со звучанием чего-либо, однако именно этот элемент частично или полностью маркирует большинство семантических полей звукоподражаний данного языка. На наш взгляд, причин для появления логограмм-звукоподражаний с графосемантической составляющей 口 «рот», не имеющих в

своем значении связи со звучанием чего-либо или звукоподражания чему-либо, несколько. Было отмечено, что *梆 bang – зп стуку, буханью* может фиксироваться как с ключом 木 «дерево», так и с ключом 口 «рот»; *铛 dang – зп звону колокола*, кроме графосемантического маркера 金 «металл», может также иметь ключ 口 «рот». Наличие данных пар звукоподражаний позволило нам предположить, что в своем первоначальном написании в большинстве логограмм присутствовал графосемантический маркер, указывающий на связь означаемого знака с определенным денотатом, однако в процессе эволюции и упрощения письменного знака эта связь была утрачена.

На ранних ступенях данной системы письма степень корреляции плана содержания и плана выражения языкового знака оказывается сильнее, чем на более поздних ступенях. Это вызвано тем обстоятельством, что, когда система письма вводится впервые, она, как правило, более добросовестно воспроизводит фонемную структуру (в языках с фонематическим типом письма, в нашем случае фонема – это графема) передаваемого ею языка. В дальнейшем письмо, будучи более консервативным, чем язык, не следует за постоянными изменениями последнего, и с течением времени все более отдаляется от него [Гельб, 2004].

Еще одна причина может состоять в следующем: «письменный язык формально менее эмоционален, чем устный. Появление логограмм, фиксирующих модальные частицы, восклицания, междометия и звукоподражания как раз и является фактом влияния, «вмешательства» устного языка в дела письменного. Это отражается в том, что логограммы такого характера, как правило, имеют в своем составе «рот» – 口» [Готлиб, 2007, с. 81]. По нашему мнению, элемент «рот» – 口 в логограммах-звукоподражаниях, где связь означаемого с означающим не маркируется графосемантической составляющей, нужно рассматривать не как «рот» – 口, но как некий графосемантичесий указатель на то, что данные знаки связаны со значением звучания чего-либо или звукоподражания чему-либо.

В ходе анализа логограмм, которыми при письме фиксируются звукоподражания китайского языка, было выявлено, что абсолютное большинство – это идеофонограммы, т.е. «сложные знаки, состоящие из ключей, дающих намек на значение слова или морфемы, и так называемых фонетиков, указывающих на точное или приблизительное звучание знака» [Готлиб, 2007, с. 21].

Опыт последовательного семиотического анализа китайских письменных знаков, когда связь со звучанием логограммы выносится за рамки основной классификации, дал основание для вывода о том, что иконическим знаком, т.е. знаком, означающее которого, его форма непосредственно связана с означаемым (денотатом), в китайском языке является пиктограмма. В нашем случае мы не можем утверждать, что логограммы, которыми при письме фиксируются звукоподражания китайского языка, являются иконическими знаками, т.к. не имеем перед собой пиктограмму в чистом виде. В логограммах, фиксирующих звукоподражания (*涡 guo – зп текущей воде, журчанию воды; 汩 gu – зп плеску, бульканью воды; 落 luo – зп струящейся, стекающей воде; 淠 pi – зп шуму воды; 玲 ling – зп звону яшмы; 玎 ding – зп звону яшмы; 锵锵 qiangqiang – зп звону колокольчика; 锽 huanghuang – зп звону колокола; 辖 xia – зп скрипу колес; 辚 lin – зп*

стуку, громыханию, тарахтению (движущегося экипажа); 轧 ya – зп скрипу, стуку колес; 轳 lu – зп громыханию колес, стуку повозки; 铿 keng – зп звону металла; 铮 zheng – зп звону металла; 铛 dang – зп звону колокола), кроме пиктографического элемента (*水«вода», 玉 «яшма», 金 «металл», 车 «телега», и т.д.*) содержится фонетическая составляющая, которая так же активно участвует в формировании письменного знака. Очевидно, что характер связи между означаемым и означающим у двух составляющих логограммы-звукоподражания не одинаков. Пиктографический элемент указывает на фактическую, реально существующую смежность означаемого и означающего: *金 «металл»* – скрежет металла; *水 «вода»* – шум льющейся воды; *车 «телега»* – громыхание колес и стук повозки, что позволяет нам определить данную составляющую логограммы как индексальный знак. Фонетическая составляющая логограмм-звукоподражаний китайского языка не отсылает нас своей графической формой к определенному денотату. Однако именно она в данном типе знаков и передает звучание окружающей действительности фонетическими средствами китайского языка, т.е. характеризуется фактическим подобием означаемого и означающего, и по отношению к звуковой стороне языка является иконическим знаком. Определив, что графосемантическая составляющая логограммы с семиотической точки зрения является индексальным знаком, мы установили, что существует два способа индексации: в первой группе звукоподражаний «вещественная» графосемантическая составляющая указывает на источник возникновения звука *(梆 bangbang – зп ударам, стуку колотушки; 硠 lang – зп грохоту падающих камней; 锵 qiang – зп звону металла; 玲 ling –зп звону яшмы; 烘 hong – зп треску горящего дерева, звуку пылающего огня и т.д.)*, а во второй группе с графосемантической составляющей 口 «рот» *(呀 ya – зп детскому лепету, смеху; 哈 ha – зп хохоту; 喔 wo – зп кукареканью; 喵 miao – зп мяуканью; 啊 wa – зп карканью; 喃 nan – зп бормотанию, бурчанию; 呷 xia – зп кряканью; и т.д.)* указание идет на способ воспроизведения звука. Таким образом, согласно семиотической классификации Ч. Пирса, логограммы, которыми фиксируются звукоподражания китайского языка, по сути своей, представляют синкретизм двух типов знаков – иконического и индексального.

Подведем итоги. Восприятие и символизация звучащего мира имеют типологическую феноменологию, что, как следствие, в зависимости от типа языка проявляется в разных способах семиотизации: 1) фонетическом (в языках с фонетической системой письма; 2) фонетическом и графосемантическом (в языках с идеографической системой письма).

В задачи исследования входило описание способов семиотизации звукового мира через построение таксономии звукоподражаний в ономасиологическом и семасиологическом аспектах на материале языка с идеографической системой письма. Предположив, какими звуками могла быть представлена в языке картина мира звуков, мы получили ономасиологическую, до известной степени спекулятивную, *искусственную,* базирующуюся на некотором логическом принципе, вводимом априорно, картину таксономии.

В дальнейшем, основываясь на семасиологическом подходе, были построены таксономии иного характера – естественные, индуктивно выведенные из

непосредственного анализа фактов языка с идеографической системой письма. В итоге таксоны, полученные в процессе построения искусственной таксономии, оказались идентичными системе таксонов естественной таксономии звукоподражаний китайского языка в аспекте источника звука, т.е. в наборе таксонов оба вида таксономий совпали, но при этом набор таксонов, выделенный в результате анализа естественного языка, приобрел все более детальный и насыщенный характер. Однако соотношение таксонов ономасиологической и семасиологической моделей в аспекте грамматологической семиотики носит вариативный характер.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1.Графосемантическое маркирование звукоподражаний в китайском языке [Текст] / С. В. Стефановская // Вестник Красноярского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – Иркутск, 2006. – №6/2. – С. 70-74 (0,6 п.л.).

2.Звуковая картина мира [Текст] / С. В. Стефановская // Вестник иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – Иркутск, 2009. – №4 (8). – С. 117-121 (0,6 п.л.).

3.Классификация звукоподражаний современного китайского языка по основному семантическому знаку [Текст] / С.В. Стефановская // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Аргументация vs манипуляция. Сер. Коммуникативистика и коммуникациология – Иркутск, 2007. – №5. – С. 209-216 (0,5 п.л.).

4.Некоторые особенности фонетической организации китайских звукоподражаний [Текст] / С.В. Стефановская // Фонетика и фонология в системе филологических наук. К 100-летию со дня рождения профессора Оскара Христиановича Цахера. Материалы всероссийской научной конференции (Иркутск, 9 - 11 января 2007). – Иркутск, 2007. – С. 60-65 (0,4 п.л.).

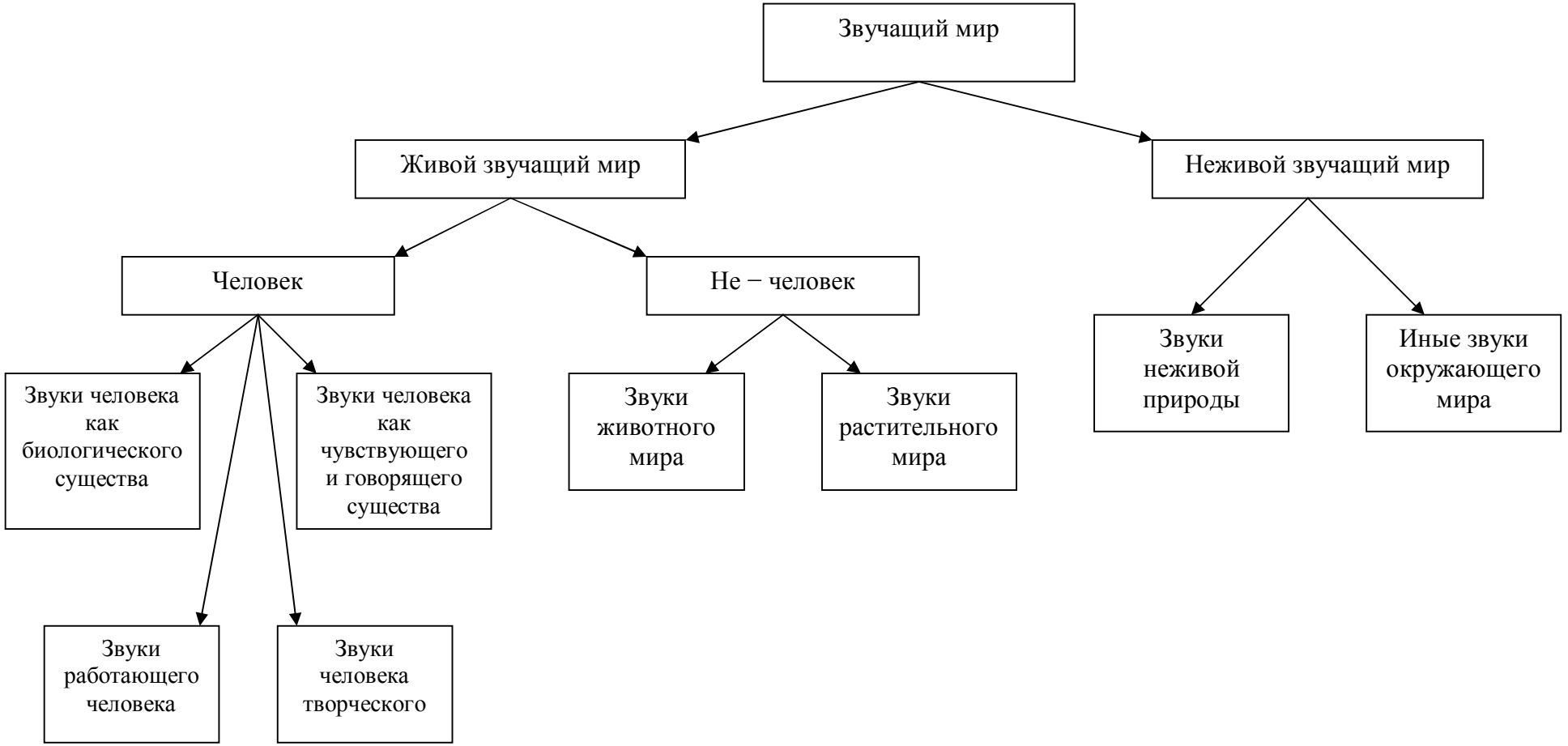

Схема 1. Звуковая картина мира

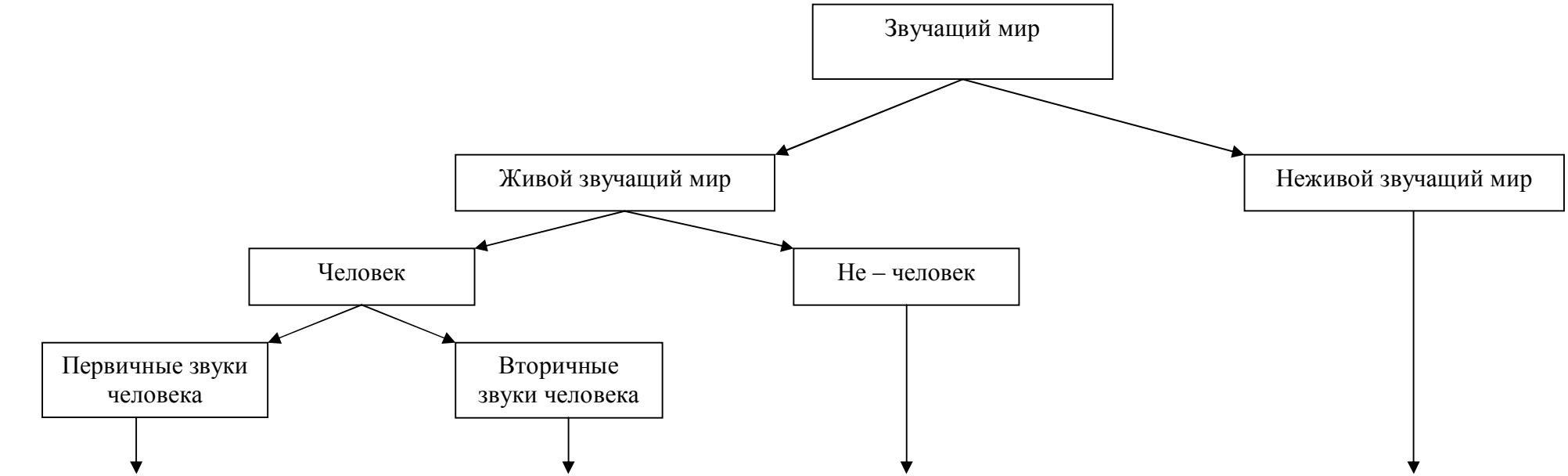

Схема 2. Звуковая картина мира китайцев

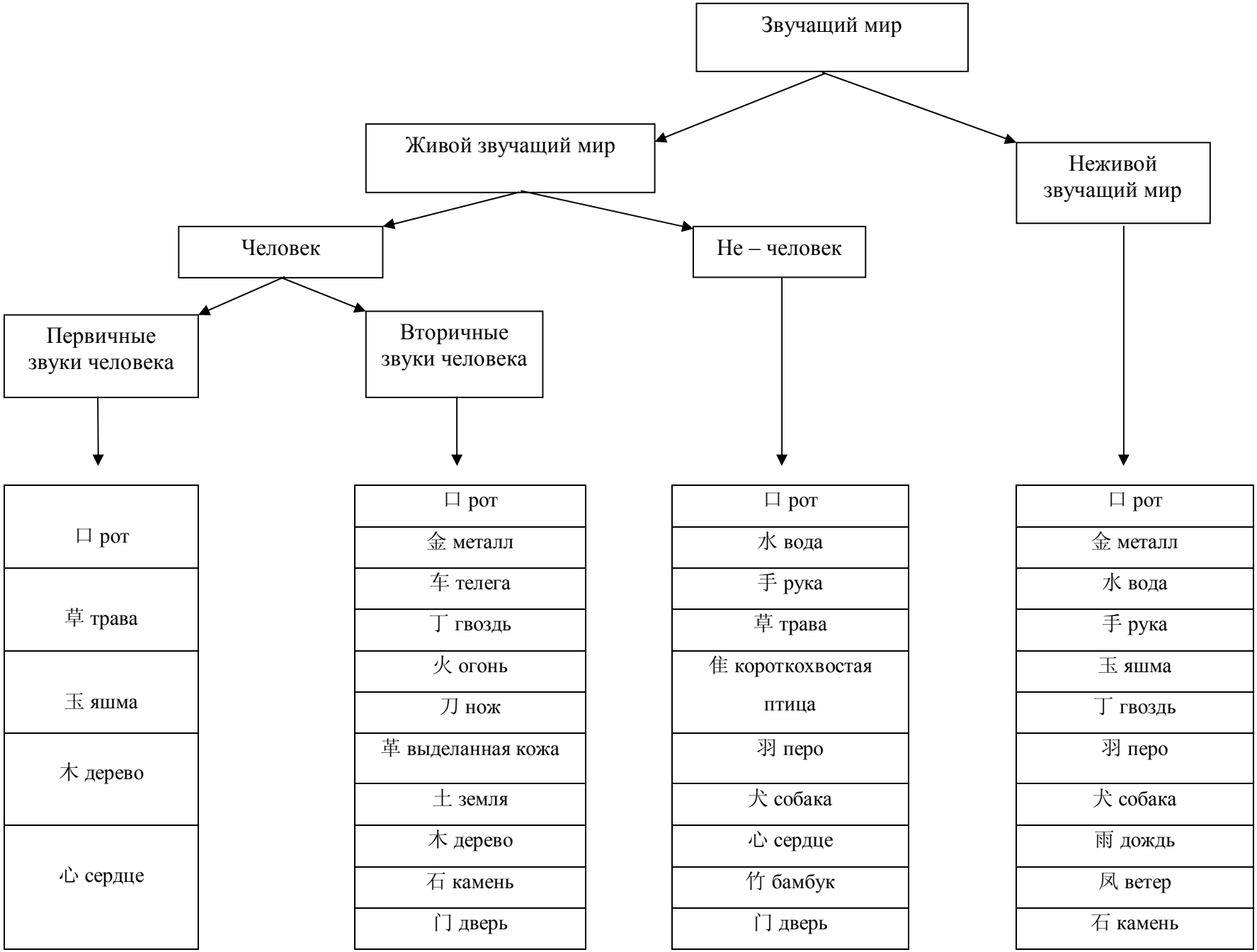

Схема 3. Звуковая картина мира китайцев в грамматологическом аспекте